

ДИАЛОГ ПО ПРОЧТЕНИИ РУКОПИСИ

ПУТЬ ЧЕРЕЗ ОВРАГИ

«Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним — ходить». (Пословица).

В январском и февральском выпусках 1988 года журнал «Дружба народов» печатает новую повесть Сергея Антонова «Овраги». Ее действие начинается в «год великого перелома» — 1929-й и захватывает весну 1930-го. В центре повести — образ рабочего Платонова, посланного в деревню в числе 25 тысяч партийцев для укрепления смычки с городом. Вместе с отцом отправляется его 13-летний сын Митя, знакомый читателю по повестям Антонова «Царский двугривенный» (1969) и «Васька» (написанной в начале 70-х, но увидевшей свет лишь в 1987 году).

Повесть «Овраги» подтверждает все более пристальный интерес «деревенской прозы» к истокам колхозного движения — теме, до недавнего времени подверженной своего рода табу. Только в нынешнем году появились сразу продолжения «Канунов» Василия Белова, «Мужиков и баб» Бориса Можая и, наконец, «Котлован» Андрея Платонова, ожидавший своего часа с 1930 года, — с того самого времени, когда, по словам Сталина, крестьяне пошли в колхоз не отдельными группами, а целыми селами, волостями, районами.

В повести Сергея Антонова тоже не канун, а самый пик событий — «раскулачка», крестьянские бунты, первые шаги коллективизации, определившей удел деревни на десятилетия вперед. Картина беспощадная в своей трагичности. Литература и здесь дает предметный урок историкам, «по праву памяти» распахивая не тронутую ими целину, ибо следует завету Твардовского: «Кто прчет прошлое ревниво, тот вряд ли с будущим в ладу...»

После повести «Васька» о метрострое 1934 года к Сергею Антонову вернулась (и умножилась) популярность, сопровождавшая его творчество в 50—60-е годы. Правда, сам писатель смотрит на первые свои произведения критически, полагая, что слишком долго он понимал жизнь наивно, поверхностно, только XX съезд открыл ему глаза. Человек, прошедший две войны (финскую и вторую мировую), имеет мужество признать, что робел взглянуть в лицо жгучим драматическим ситуациям. Литература, говорит он, сильна своим умением предвидеть будущее, а провидческий «Котлован» Платонова опоздал чуть ли не на 60 лет.

СЕМЕЙНЫЙ ПОДРЯД

— «Овраги» заполняют временной разрыв между «Царским двугривенным», где показан 1927 год, период нэпа, и «Васькой», герои которой живут уже в эпоху индустриализации. Но цель новой повести, наверное, не только в том, чтобы «связать» биографии персонажей!

— Цель вот такая. До сих пор у нас нелады с сельским хозяйством. На мой взгляд, беда в том, что методы промышленного производства мы пытались механически перенести на деревню. У крестьян основной трудовой ячейкой была и останется семья, тот вид хозяйствования, который мы сегодня называем семейным подрядом. Это явление не архаическое, а вечное. Американская ферма по сути — тот же семейный подряд.

Крестьянская семья очень легко лавирует, приспосабливается к любым производственным обстоятельствам. Трудовое воспитание, о котором мы сегодня печемся, в ней происходит с малых лет, непринудительно, естественно и прямо связано с конечным результатом.

Коллективизация была, конечно, необходима. Корни ее уходили в древнюю сельскую общину, которую цементировала крестьянская семья. А мы стали вести ее слишком торопливо и непредусмотрительно и первым делом разрушили семью. В колхозе, да еще при нерадивом председателе, глава семьи оказался совершенно бесправен, не знал, как

ее прокормить. Отсюда — хозяйственный и моральный урон, нанесенный семье, отсюда стремление крестьянина избавиться от едоков, отправить детей в город в надежде, что они как-то устроятся. Все пошло вверх ногами.

— Один из героев «Оврагов» рассуждает примерно так же: колхозы — штука толковая. Они родня сельской общины и с руки русскому крестьянству. А мужик шаркался от колхоза, как черт от ладана. Почему? Да потому, что колхозы не создавали, а навязывали. Навязывали сверху бестолково. А где бестолочь, там и жулье, и мародеры, и в итоге грабеж крестьянского добра.

Эти мысли из того времени или уже из нашего, когда столько

успели передумать и пережить!

— Конечно, из того времени. Тогда как раз и приходилось думать, как устроить в деревне жизнь на коллективных началах. Крестьяне были единоличниками, но деревня стремилась к совместному решению тех или иных проблем. Например, держали на всех одного пастуха, помогали семьям, потерявшим кормильца. Было и своего рода стихийное чувство справедливости: несправедно богатеть не давали. В некоторых деревнях кулацкие дома поджигали, поэтому богатые старались поставить свою избу между двумя бедными. Об этом писал еще Н. Гарин-Михайловский.

Сразу после революции возникли товарищества по совместной обработке земли, сельские коммуны,

появились первые энтузиасты коллективизации. Люди думали о пользе кооперации гораздо раньше, чем стали насаждать колхозы.

«УТОПИСТЫ»

— После вашей повести я взялась за «Вопросы ленинизма», чтобы уяснить позицию Сталина в деле коллективизации. Громя своих противников, он четко излагает их платформу, и потому альтернатива его взглядам достаточно ясна. Почему нужна была такая спешка со сплошной коллективизацией, такие поборы с крестьян! Продialog, сменявший в 1921 году продразверстку, наглядно доказал, что с выгодой для себя крестьянин быстрее накормит страну, чем под нажимом.

— Думаю, у Сталина было искреннее желание как можно скорее создать образцовое сельское хозяйство. В повести я ввел главу «Утописты», где маньяк председатель колхоза рисует умозрительно-благодатную картину будущего, «красный рай». Нечто подобное, видимо, было в голове у Сталина. Однако жизнь показала, что утопические мечтания гораздо примитивнее реальных жизненных проблем.

Сталин рассуждал теоретически. Он понимал, что идея колхозов правильна. В «Вопросах ленинизма» он бесцельно цитирует Ленина. И вроде правильно, по делу. Но на практике все перепуталось. Живые люди не машины, которые можно десятки раз переделать. Крестьянам нужно было дать возможность самим разобраться, что получается из теории, самим понять, что не срабатывает. А Сталин предпочитал меры принудительные. Теоретически он прав: надо бороться с саботажем кулаков и подкулачников. А на практике этот тезис обернулся истреблением середняка.

РАЗНАРЯДКА НА КУЛАКОВ

— Одна из самых впечатляющих сцен в вашей повести — раскулачивание Чугуева, бывшего красного командира, толкового механизатора, самородка, председателя земельного товарищества. Несправедливость кажется вопиющей. Да и другой раскулаченный, Тихомиров, тоже не мироед с обрезом, напротив, истинный земледелец, за которым люди тянулись, в колхоз бы за ним пошли. Где же классический кулак-кровосос!

— Дело в том, что после 1920 года таких кулаков, о которых Ленин писал, что это «самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры», практически не было, их ликвидировала Советская власть с помощью комбедов.

При сплошной коллективизации «сверху» стали поступать разнарядки — раскулачить 4—5 процентов крестьян. Эти проценты брались с потолка. Раскулачивая таких, как Чугуев или Тихомиров, уничтожали еще одну основу деревенской жизни, ее генофонд, того самого «старательного» крестьянина, на кото-

рого делал ставку Ленин, толкового, преданного земле мужика. Люди предприимчивые и действительно старательные, с введением нэпа они и проявили свою хозяйственную жилку.

Их сослали на Север и «ликвидировали как класс». Естественно, в колхозах лучше не стало. Начался голод, потом волнения и бунты.

2 марта 1930 года появилась известная статья Сталина «Головокружение от успехов», где говорилось о перегибах в коллективизации, о нарушении принципа добровольности при вступлении в колхозы. Толку от этой статьи было мало. Во-первых, она была не ко времени — готовилась посевная кампания, а во-вторых, вместо облегчения участи крестьян сыграла провакционную роль. Тот крестьянин, кто на совершенно законном основании вышел из колхоза, стал считаться «злодеем», скрытым подкулачником. Его-то и «брали». Это был верх трагедии.

ДОВОЛЬСТВО ПО ТРУДУ

— Что же предстоит делать сегодня! Этот вопрос не я задаю писателю. С месяц назад на страницах «Правды» его поднял старейший земледелец Терентий Мальцев. Вот его ответ: найти общий язык с мужиком. Российский хлебопашец никогда не был ленивым, умел ладить и с землей, и с природой. Надо возродить в крестьянине крестьянское.

— Не дело романиста, — добавляет Сергей Антонов, — писать инструкции по сельскому хозяйству. На любом месте важна осмысленная работа. Сейчас в деревне создаются все условия для мощного подъема сельского хозяйства. Возрождается семейный подряд. Механизация, правда, оставляет желать лучшего, но и плохие машины могут служить вдвое дольше, если бережно с ними обращаться.

Главное — нужны толковые хозяйева. Председатель должен быть настоящим главой сельской общины, уважаемым гражданином. Ему нужно поставить дело так, чтобы человеку было выгодно хорошо работать. Рецепт прост: каждый должен получать довольство по труду.

— Лет тридцать назад Александр Яшин в рассказе «Рычаги» выразил прекрасную мысль: «Скажи прямо, если что неладно — народ горы своротит за одно прямое слово». Не кажется ли вам, что это про наши дни тоже!

— Верно: человек всей душой откликается на правду. Истина, даже самая горькая, воспитывает людей.

В духовной жизни общества происходят огромные перемены. И в деревне, и в городе люди стали смелее говорить, высказывать самые разные точки зрения. Их печатают, к ним прислушиваются. Создается иная, здоровая нравственная атмосфера, в которой каждый человек способен ощутить себя личностью. Так и должно быть — иначе время остановится.

Беседу вела Ольга МАРТЫНЕНКО.

Фото Андрея КНЯЗЕВА.